

**Военные
приключения**

ПОДЖИГАТЕЛИ

**ЦЕЛЬ
ПРЕДАТЕЛЬСТВ**

НИК. ШПАНОВ

Поджигатели

Николай Шпанов

Поджигатели. Цепь предательств

«ВЕЧЕ»

1949

Шпанов Н. Н.

Поджигатели. Цепь предательств / Н. Н. Шпанов — «ВЕЧЕ»,
1949 — (Поджигатели)

ISBN 978-5-4444-0618-2

Может ли тигр удовлетвориться мышинным хвостиком? Странный вопрос... Вот и аппетиты Гитлера и его камарильи растут не по дням, а по часам. Нет больше на карте Европы такой страны, как Австрия, но и этого мало. Германия превратилась в полицейское государство, число шпииков и предателей неуклонно растет, но и за пределами рейха объявлена настоящая охота на антифашистов. Вопреки заверениям демократических держав бойцов интербригад ждут концлагеря и тюрьмы. Однако и верным слугам фюрера стоит задуматься над своей судьбой – в любую секунду в жертву могут принести любого из них... Широко известный роман автора многих советских бестселлеров, которыми зачитывалось не одно поколение любителей остросюжетной литературы.

ISBN 978-5-4444-0618-2

© Шпанов Н. Н., 1949

© ВЕЧЕ, 1949

Содержание

1	6
2	12
3	23
4	26
5	30
6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ник. Шпанов

Поджигатели. Цепь предательств

© Шпанов Н.Н., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Совершенно ясно, что Европой, ее трудовым народом, правят люди обезумевшие, что нет преступления, на которое они не были бы способны, нет такого количества крови, которое они побоялись бы пролить.

М. Горький

1

Весна в 1938 году выдалась ранняя и теплая. Вечера в Уорм-Спрингс стояли тихие и ясные. Но, несмотря на это, в кабинете коттеджа, который президент в шутку называл «маленьким Белым домом», пылал камин. Собственно говоря, это сооружение, такое же простое, как и все в этом доме, даже нельзя было назвать камином: несколько грубо отесанных камней и незамысловатая решетка, ниша, прикрытая листом меди, – вот и все. Это был простой очаг. Он топился теперь целыми днями. Не ради президента, который чувствовал себя хорошо, как всегда после лечебного курса на водах Уорм-Спрингс, а из-за того, что его главный секретарь и самый близкий поверенный, Гоу, был болен. Он с утра до вечера сидел в кресле, кутаясь в плед. Озноб тряс его не затихая.

Поставив ногу на решетку очага и опершись локтем о колено, Додд неспеша поворачивал щипцами поленья и слушал более медленную, чем обычно, речь Гоу:

– Все это для нас не тайна, профессор. Хозяин отдает себе отчет в том, где таится опасность для всех его начинаний.

– Это справедливо, Гоу, и... – Додд немного подумал и, не выпуская из рук щипцов, придвинулся к собеседнику: – Честное слово, мне иногда обидно за президента!

– А что он может сделать? – Гоу с трудом выпростал из-под пледа руку и сделал ею слабое движение, как бы подтверждая бессилие президента. – Они делают все, что хотят.

– И он это знает?

Гоу молча кивнул головой.

Додд с раздражением бросил щипцы, и они загремели на медном листе перед очагом.

– Но чего вы хотите, Додд? – Было видно, что Гоу трудно говорить. – Что он может? Если бы шайка Ванденгейма была в состоянии, она уничтожила бы всех нас... всех...

– Однажды они уже пробовали.

– И нельзя быть уверенным, что не попробуют еще.

– Теперь-то уж нет! Народ не позволит.

– Народ... – с горечью произнес Гоу. – Если бы средний американец не так легко поддавался обману!.. Газеты одна за другой скупаются банками. Скоро президенту негде будет сказать американцам то, что он думает.

– Это уж вы хватили через край, – рассмеялся Додд. – Не нацизм же у нас, в самом деле.

– Пока еще нет...

Гоу произнес это таким тоном, что можно было за него закончить: «Но скоро, по-видимому, будет».

Он помолчал и все с той же грустью сказал:

– Наши мероприятия проваливаются одно за другим. Нам не удалось даже провести законопроект об огосударствлении производства электроэнергии.

– Вы слишком многого захотели.

– А это был наш главный козырь.

– Знаете что, – с добродушной усмешкой сказал Додд, – наш президент порой кажется мне фантазером, а иногда хитрецом, его не сразу поймешь... Впрочем, оставим это. Хочу сказать вот что: чем дольше я сидел в Германии, тем больше убеждался: нацистов нельзя остановить никакими полумерами. Эта преступная шайка – Геринг, Гитлер, Геббельс – может пойти на любую дику выходку.

– Они пять раз оглянутся, прежде чем прыгнуть в бездну! – возразил Гоу. – Уроки истории обязательны для всех.

Тонот нескрываемого презрения Додд заявил:

– В том-то и беда, Гоу, что у них психология убийц. А тут уже не до истории, даже если ее знаешь!

– Это ужасно! Просто ужасно... – Гоу откинулся на спинку кресла. Он часто и тяжело дышал. Его бледное до прозрачности лицо отражало душевное страдание.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – сочувственно спросил Додд, растерянно перебирая склянки с лекарствами, которыми был заставлен весь курительный столик.

Гоу, не открывая глаз, отрицательно покачал головой. После долгого молчания он прошептал:

– Где же выход?.. Выход?!

Он с трудом поднял веки и исподлобья следил за Доддом, молча рассматривавшим модели кораблей, расставленные вдоль стены кабинета.

Любуясь искусно сделанным клипером, Додд рассеянно проговорил:

– Мне кажется, что на свете нет ничего более располагающего к раздумью, чем вот такой чудесный маленький парусник. Как вы думаете?

Гоу болезненно улыбнулся:

– Я прежде всего думаю, что вы не это хотели сказать.

– Я всегда говорил президенту, что дипломат я плохой... Скажите-ка ему, пусть держит подальше от себя Буллита. Он слишком доверчивый человек, наш ФДР. Мне рассказывали кое-что об интригах Буллита в Москве, – совсем нечестная была игра... Впрочем, не нужно и рассказов, достаточно того, что я слышал от него своими ушами. А как это было отвратительно, когда он из кожи лез, чтобы доказать французам, будто соглашение с Россией равносильно безумию. Он так поносил советскую армию, так отзывался о платежеспособности Советов...

– Могу себе представить, что этот молодец будет проделывать на посту нашего посла в Париже!

– Неужели Хэлл не может убедить хозяина убрать Буллита?

– Буллит как раз и есть первый, но довольно яркий образец резидента Ванденгейма на официальном посту американского посла.

Додд отошел от моделей и вплотную приблизился к Гоу.

– То, что я вам хочу сказать, всегда лучше говорить с глазу на глаз.

Гоу приподнялся было в своем кресле.

– Нет, нет, лежите, лежите. – Додд склонился к его уху. – Я не стал бы спорить, если бы кто-нибудь сказал мне, что видел имя Буллита в списке агентства Гиммлера и Риббентропа.

Гоу взглянул на него испуганными глазами:

– Это уж слишком!

– Путем несложных софизмов можно прийти к выводу что нет никакой разницы – получать ли деньги непосредственно от Ванденгейма или через руки Гиммлера, – с усмешкой сказал Додд.

Гоу снова сделал попытку приподняться в кресле, но без сил упал обратно. Его взгляд выражал почти ужас, когда он, жадно ловя ртом воздух, через силу проговорил:

– Профессор... мой дорогой... вы понимаете, что говорите?.. Ведь это же посол Соединенных Штатов!

Додд поднялся, сделал несколько шагов и с таким видом как будто почувствовал себя на профессорской кафедре проговорил:

– Мое преимущество перед вами, Гоу, состоит в том, что я, как историк, уже научился относиться ко всему более или менее спокойно. Так, как если бы происходящее было только рассказом о давно минувших временах...

Гоу умоляюще протянул к послу дрожащую руку:

– Умоляю вас, замолчите!.. Ни слова хозяину. Да, да, Додд, пожалейте его!

– Пока я не буду иметь в руках точных доказательств, я ему ничего не скажу. А я их, вероятно, уже не получу, поскольку никогда больше не вернусь в Германию.

– А именно о том, чтобы вы туда вернулись, президент и хочет вас просить.

– С меня довольно! Даже самый нормальный человек может сойти с ума, если его долго держать среди одержимых. Нет, с меня довольно! Пусть кто-нибудь другой...

– Он вам очень верит и любит вас.

– Я был бы рад ему помочь, если бы это было возможно, – серьезно произнес Додд, – но в Германии нужен только американский наблюдатель, если мы намерены и дальше равнодушно смотреть, как наци готовятся пустить под откос мир.

– Мир?

– Для них война – дело решенное. Уже сейчас.

– У них еще ничего нет.

– Скоро будет все. Наши им помогут.

– Не говорите об этом так громко даже тут!

Дверь отворилась, и, тяжело опираясь на две палки, медленно вошел Рузвельт.

– Вы видите, дорогой Уильям, – грустно произнес он, поздоровавшись с посланцем, – мы поменялись местами с беднягой Гоу!

Рузвельт кивком головы позвал с собой Додда и вышел на веранду.

– Я в совершенном отчаянии, – негромко сказал он, – врачи ничего не могут поделать. Бедняга тает у нас на глазах. Я чувствую себя так, словно уходит половина меня самого... Врачи ничего не понимают... а человек умирает!

– Просто плохо верится.

– Я сам не верил, пока не понял сердцем: он умирает... А мы с ним еще почти ничего не сделали.

– У вас еще все впереди, президент!

– Хотел бы я знать, когда право на жизнь перестанет быть тем, что нужно вырывать друг у друга из рук.

– Если судить по истории – никогда.

– Знаю, вы пессимист, Уильям, но если бы я так подходил к делу, то должен был бы считать, что покойный президент Кливлэнд был прав...

– В чем?

– Говорят, когда отец привез меня ребенком в гости к Кливлэнду, тот будто бы сказал: «Желаю тебе, молодой человек, того, чего не пожелает никто: никогда не стать президентом».

Додд взял руку Рузвельта.

– К счастью для Штатов, его пожелание не оправдалось!

Рузвельт долго держал руку Додда в своей и, прежде чем выпустить, крепко пожал.

– Вы же знаете, Уильям, как важно удержать этих людей от безумства, к которому они идут. Это может сделать только честный и умный человек.

Додд грустно покачал головой:

– Благодарю, президент, но... честное слово, я уже не верю в возможность предотвращения войны.

– А вы понимаете, что пожар не ограничится Европой?

– К сожалению, это так, – согласился Додд. – С тех пор как Токио присоединилось к этой «оси», джапы потеряли голову.

– Положим, эти господа потеряли ее давно и без помощи Гитлера. Я знаю: нам не удастся остаться в стороне от того, что начнется в Европе.

– Может быть... – неопределенно проговорил Додд, и по его тону было видно, что старый посол и сам не верит такой возможности.

Но, словно спеша досказать свою мысль, президент продолжал, несколько возбуждаясь:

– Вскармливая Марса своими долларами, наши хитрецы воображают, будто им удастся спокойно и безмятежно глядеть отсюда, как европейцы будут истреблять друг друга оружием, на котором с полным правом могло бы стоять клеймо: «Сделано в США».

– Пока дело не дойдет до русских. Те предпочитают собственные марки.

– Может быть, – негромко сказал Рузвельт и повторил: – Может быть... А ведь и для наших все дело сводится к тому, чтобы столкнуть лбами Запад и Россию...

– Речь идет о Германии, президент, – заметил Додд. – Только о ней.

Рузвельт кивнул головой:

– Мы-то с вами понимаем друг друга... Ужас в том, Уильям, что жадность ослепляет наших. От нетерпения снять золотую жатву...

Додд с усмешкой перебил:

– Я бы назвал ее кровавой...

– ...Они не любят заглядывать за кулисы... Я говорю: их нетерпение грозит вовлечь нас в трудные дела. Кое-кому из американцев придется платить за эту жатву головами.

– Речь может идти только о простых американцах.

– О них я и говорю, – с раздражением сказал Рузвельт.

– А разве в них дело?

– Не прикидывайтесь циником, Уильям! Мы-то с вами знаем, чьи руки нужны, чтобы строить жизнь.

– Но ванденгеймам уже нет до этого дела.

– А мне есть! Есть дело, Уильям. – Рузвельт стукнул палкой по перилам балкона. – Американскому кораблю предстоит бурное плавание. Я не могу в него пускаться с одними пассажирами вроде Ванденгейма. Мне нужны и простые матросы. Я вынужден думать и о простом матросе, Уильям, без которого все мы должны будем варить суп из бумажных долларов... Одним словом: я должен смотреть дальше своего носа. А между тем мне мешают на каждом шагу. Наш главный противник тут, Уильям. Прежде всего тут! И вы нужны мне в Берлине, чтобы видеть, что происходит здесь, понимаете?

Рузвельт поймал на себе испытующий взгляд старого историка.

– Если мне удастся вернуться к занятию историей, – сказал Додд, – а я надеюсь, удастся, то одной из самых трудных фигур для меня будет тридцать второй президент.

Рузвельт рассмеялся:

– Ничего загадочного, Уильям, ничего!

– А объяснить сущность «социального ренегата», думаете, так просто? – спросил Додд. – Наши дураки с Пятой авеню не понимают, что вы не ренегат, а их самый верный защитник. Хотя, видит бог, они не стоят этой защиты!

Поднявшись с кресла, Рузвельт подошел к перилам, откуда открывался обширный вид на окрестность, и указал Додду в сторону светящихся вокруг озера огней.

– К сожалению, пока это единственное, что мне удалось сделать по-настоящему. И то только потому, что я не претендовал тут ни на чьи средства, кроме своих собственных. Они думали, будто я затеял коммерческое дело, и не хотели мне мешать: надо же и президенту иметь свой бизнес. Этот курорт, может быть, единственно хорошее, что останется от меня американцам. Мало! Почти ничего!.. Словно я не президент, а лавочник средней руки из квакеров.

Додд в задумчивости смотрел на мерцающие огоньки курорта, и пальцы его нервно отстукивали что-то по перилам балкона.

– Честное слово, президент, если бы я хоть на йоту верил в смысл своей миссии в Германии, я отдал бы себя вам. – Он помолчал и, наклонившись к президенту, проговорил: – Но я не верю в смысл такой миссии.

– Ну, все равно, по рукам, – весело сказал Рузвельт.

– Я уже стар, президент.

– Хэлл старше вас, а, смотрите, стоит на правом фланге. Вы знаете, что нам удалось наконец провести закон, воспрещающий перевозку оружия франкистам на американских судах? Это в десять раз меньше того, что я хотел бы сделать, если бы меня не держали за руки.

– Не очень большое завоевание, президент! – с невольно прорвавшейся иронией сказал Додд. – А не боитесь ли вы, что наше эмбарго сыграет роль, как раз обратную той, какую вы хотели бы ему дать?

Рузвельт пристально смотрел в глаза старому послу. Некоторое время помолчал. Потом с оттенком раздражения проговорил:

– По-вашему, я не понимаю, что этот запрет окажется односторонним?

– Именно это я имел в виду.

– Увы, Уильям! – Рузвельт покачал головой. – Я знаю больше: никакие, слышите, никакие наши меры не помешают нашим оружейникам вооружать того, кого они хотят видеть победителем в испанской войне... Они сумеют доставить Франко оружие не только в обход, через всяких там иностранных спекулянтов. У них хватит нахальства везти его почти открыто, на глазах нашей собственной полиции. Я все понимаю, старина... – Он умолк, словно не решаясь продолжать. Потом, положив руку на плечо собеседника, быстро закончил: – Видит бог, это уже не моя вина! – и хотел снять свою руку, но Додд задержал ее и понимающе сжал своими сухими, старческими пальцами. – Иногда, Уильям, я завидую... лошади, идущей в шорах... – тихо проговорил Рузвельт.

– И после этого вы уговариваете меня вернуться на пост посла?

– А что же делать, старина!.. Вот и я... С одной стороны, я именно только президент, и нельзя требовать от меня большего, нежели в моих силах... А с другой... Ведь я именно президент, и имею ли я право не заботиться о том, что подумают о нас, американцах, в остальном мире? Отказаться от эмбарго – значило открыто, понимаете, цинически открыто помогать фашистам!

– Но ведь всякий, кто соображает на йоту больше зайца, поймет: такой декорум, как эмбарго, – удар по Испанской республике! – воскликнул Додд.

Рузвельт всем корпусом повернулся к собеседнику, и, как ни поспешно он отстранился от яркого света, упавшего ему на лицо сквозь стекла балконной двери, посол увидел: краска заливала щеки президента.

– Я не имею права превращаться в фантазера, – без прежнего раздражения, но с заметной резкостью, словно бы нарочно подчеркнутой, говорил Рузвельт. – Вы должны это понять. Просто обязаны понять, не только как дипломат, но и как американский историк. Сидя на моем месте и зная десятую долю того, что творится за моей спиной, нельзя сохранять иллюзии. Я недавно узнал, что у меня под носом состоялась большая конференция главных боссов Уолл-стриты с немцами.

– Здесь?

– Да, около Нью-Йорка.

На лице Додда появилось выражение смятения.

– Все те же – Дюпон и весь эскадрон Моргана?

– Конечно, и наш старый приятель Ванденгейм тут как тут. – Рузвельт сердито стукнул палкой по перилам. – Что придумали!.. Самым откровенным образом вооружают немцев. Дюпон двойным ходом, через «Дженерал моторс» и Опеля, занялся уже самолетостроением для наци – купил немецкие заводы Фокке-Вульф.

К удивлению Рузвельта, Додд вдруг рассмеялся:

– А я-то ломал голову: на какие деньги немцы расширили это дело? Оно стало расти как на дрожжах. Это как раз та фирма, которая доказала преимущество своих боевых самолетов в Испании.

Рузвельт развел руками:

– И я ничего не в состоянии поделаться: все внешне совершенно прилично. Не могу я в конце концов лезть в частные дела предпринимателей!

– И, конечно, как всегда, все через эту лавочку Шрейберов?

– Разумеется. Эта старая лиса Доллас обставил их дело так, что пока не разразится какая-нибудь паника, к ним не подступишься.

– На вашем месте, президент, я велел бы обратить внимание на очень подозрительную компанию немцев, свившую себе гнездо в Штатах. Среди них есть такие типы, как этот Кидингер – самый настоящий убийца.

– Я уже говорил Говеру...

Додд быстро взглянул на Рузвельта и опустил глаза.

– Говер? – в сомнении проговорил он. – Я бы на вашем месте, президент, создал что-нибудь свое.

– Свою разведку? – Рузвельт повернулся к нему всем телом, не в силах скрыть крайнего удивления.

– Говер Говером, – негромко сказал Додд, – а лучше бы что-нибудь свое. Поменьше, но понадежней.

– Да, не вовремя болеет Гоу, – проговорил Рузвельт после паузы. – Мне очень нужны люди!

– Ничего, он еще встанет.

Рузвельт покачал головой.

– Нет... Он уже заставил и меня привыкнуть к мысли, что я должен буду обходиться без него!

– Мужественный человек.

– Но в последнее время сильно сдал. Форменная мания преследования. – Рузвельт через силу усмехнулся, но усмешка вышла горькой. – Совершенно как у Шекспира: норовит обменяться со мной стаканами, тарелкой. Не верит никому... Пойдемте к нему, Уильям. Бедняга любит сыграть вечером роббер бриджа.

Рузвельт поднялся при помощи Додда и пошел с балкона.

– Гоу, старина, готовьтесь-ка к хорошей схватке! – крикнул он с порога. – Додд вам сейчас покажет, что такое профессорский бридж...

Он не договорил: Гоу лежал, вытянувшись в качалке. Плед сбился к ногам, пальцы рук судорожно вцепились в ворот рубашки, словно стремясь его разорвать. Голова Гоу была откинута назад, и на мертвом лице застыла гримаса страдания.

2

Голые деревья стояли ровными шеренгами, как арестанты, – безнадежно серые, унылые, все на одно лицо. Сквозь строй стволов была далеко видна темная, влажная почва. Она была уже взрыхлена граблями. Следы железной гребенки тянулись справа и слева вдоль дорожек Тиргартена.

От влажной земли поднимался острый запах. Из черной неровной поверхности куртин лишь кое-где выбивались первые, едва заметные травинки.

Шагая за генералом, Отто старался думать о пустяках. Глупо! Все то легкое и приятное, что обычно составляло тему его размышлений во время предобеденной прогулки, сегодня не держалось в голове. Чтобы заглушить мысли о предстоящем вечере, он готов был думать о чем угодно, даже о самом неприятном, – хотя бы о вчерашней ссоре с отцом. Старик не дал ему ни пфеннига. Придется просить у Сюзанн. Но вместо Сюзанн представление о надвигающейся ночи ассоциировалось с чем-то совсем другим, неприятным.

Избежать, увернуться?.. Черта с два!..

Узкая длинная спина Гаусса вздрагивала в такт его деревянному шагу. Сколько раз Отто казалось, что старик должен сдать хотя бы здесь, на прогулке, когда вблизи не бывало никого, кроме него, адъютанта Отто. Вот-вот исчезнет выправка, согнется спина, ноги перестанут мерно отбивать шаг, и, по-стариковски кряхтя, генерал опустится на первую попавшуюся скамью. Может быть, рядом с той вон старухой в старомодной траурной шляпке. И попросту заговорит с нею о своей больной печени, о подагре... Или около того инвалида, с таким страшно дергающимся лицом. И с ним Гауссу было бы о чем потолковать: о Вердене, где генерал потерял почти весь личный состав своего корпуса, или о Марне, стоившей ему перевода в генштаб... Как бы не так!

Голова генерала оставалась неподвижной. Седина короткой солдатской стрижки поблескивала между околышем и воротником шинели. Одна рука была за спиною, другая наполовину засунута в карман пальто. Всегда одинаково – до третьей фаланги пальцев, ни на сантиметр больше или меньше. Перчатки скрывали синие жгуты склеротических вен. Непосвященным эти руки должны были представляться такими же сильными, какими всегда казались немцам руки германских генералов.

Все было, как всегда. Все было в совершенном порядке. Прогулка!..

Старик нагуливал аппетит, а ему, Отто, кажется, предстояло из-за этого вымокнуть. Совершенно очевидно: через несколько минут будет дождь. Уж очень низко нависли тучи. Кажется, этот серый свод прогнулся, как парусина палатки под тяжестью скопившейся в ней воды, и вот-вот разорвется. И польет, польет...

В прежнее время, даже вчера еще, Отто, не стесняясь, указал бы генералу на угрозу дождя. Разве это не было обязанностью адъютанта? Так почему же он не говорил об этом сегодня? Почему сегодня каждая фраза старика, каждый взгляд заставляли его вздрагивать?

Отто поймал себя на том, что, вероятно, впервые за четыре года своего адъютантства шел за генералом именно так, как предписывает устав: шаг сзади, полшага влево. Уж не боялся ли он попасться старику на глаза? Нет, генерал и не думал на него смотреть. Он уставился в землю, предпочитая видеть желтый песок аллеи и попеременно появляющиеся перед глазами носки собственных сапог. Идя так, не нужно было отвечать на приветствия встречных. Это называлось у Гаусса «побыть в одиночестве». Достаточно было не смотреть по сторонам. Ноги сами повернут налево, вон там, у памятника Фридриху-Вильгельму. Короткий почтительный взгляд на бронзового короля. От него двести семьдесят шесть шагов до статуи королевы Луизы. Затем – к старому Фрицу. Здесь голова генерала впервые повернется: дружеская усмешка,

кивок королю. Точно оба знали секрет, которого не хотели выдавать. Кажется, король-капрал даже пристукивал бронзовой тростью: смотри не проговорись!

Но вот и Фридрих остался влево. На повороте генерал оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на него. Теперь – вдоль последнего ряда деревьев. Сквозь них чернел асфальт Тиргартенштрассе. Тут нужно было поднять глаза: на улице шумел поток автомобилей. Полицейские уже обменялись коротким, отрывистым свистком. Тот, что торчал посреди асфальта, поднял руку, но все же за рулями сидели неизвестные штатские. Нужно было смотреть в оба.

Одиночество кончилось. Голова генерала была поднята. Он смотрел перед собою поверх прохожих, поверх автомобилей. Для немцев, сидящих в машинах, этот старик был армией. Отто шагал за ним также с поднятой головой. Вот бы ввести правило: гражданские лица приветствуют господ офицеров снятием головного убора...

Скотина, а не шуцман! Опустил руку, как только генерал ступил на тротуар, и поток автомобилей ринулся вдоль улицы.

Вот и церковь Святого Матфея. Кривая Маргаретенштрассе. Почему, собственно говоря, генерал предпочитал старый неуютный дом казенной квартиры? Или он не был уверен в прочности своего положения? Может быть, он чуял что-нибудь старческим носом? Ерунда! Разве он не был одним из тех, кому армия обязана примирением с наци?..

Первые капли дождя упали, когда до подъезда оставалось несколько шагов.

В прихожей, сбросив шинель на руки вестовому, Гаусс в упор посмотрел на Отто:

– Ты мне не нравишься. Что-нибудь случилось?

– Никак нет.

– Может быть, дома что-нибудь?

– О, все в порядке!

– Что отец?

Стоило ли отвечать? За шутливой приветливостью Гаусса была скрыта непримиримая вражда к Швереру. Отто знал: Гаусс не мог простить Швереру отказ присоединиться к группировавшимся вокруг него недовольным. Гаусс считал Шверера трусом. Сразу по возвращении из Китая его записали в академию – читать историю военного искусства.

– Старая перечница! – усмехнулся генерал. – Не хочет понять главного: за эти двадцать лет русские выросли на два столетия.

Отто не слушал. Он знал наперед все, что скажет Гаусс. Знал, что тот кончит фразой: «Я бы предпочел оставить этот орешек вашему поколению!» Может быть, он еще постучит согнутым пальцем по лбу Отто: «Если у вашего брата здесь будет все в порядке».

Отто не слушал генерала. Хотелось одного: улизнуть. У него были дела поважнее.

Генерал подошел к барометру и ногтем стукнул по стеклу.

– Ты не забыл о сегодняшнем вечере? – спросил он.

– Никак нет.

– Надо присмотреть, чтобы не попал никто, кроме приглашенных.

– Так точно.

Генерал покосился на Отто.

– Заплесневел ты тут со мною. Поезжай-ка обедать куда-нибудь, где собираются офицеры.

– М-мм...

– Сидишь на мели? – усмехнулся Гаусс. – Ну, ну, я же понимаю. Небось, и я не родился с этой седой щетиной.

Генерал посмотрел в каминное зеркало и провел рукою по стриженной бобриком голове.

– Н-да-с, позавидовать нечему. – Он с улыбкой обернулся к Отто. – Небось, глядишь на меня и думаешь: «Какого черта пристал ко мне, старая образина?» Не воображай, будто и ты будешь вечно вот таким петухом. – И вдруг резко оборвал: – Иди!

Отто отказался от казенной машины. Таксомотор он отпустил, не доезжая цели. Целью этой был уединенный дом в одном из кварталов Вестена. Плотные шторы делали его окна слепыми. Ни вывески на карнизе, ни дощечки на дверях. Немногие жители могли бы сказать, кем был занят дом.

Отто уверенно нажал кнопку звонка. Он знал каждую черточку в лице человека, который сейчас отворит дверь и молча пропустит его мимо себя. Он знал, в какой позе будет сидеть Кроне; знал жест, которым тот подвинет ему сигары. В этом жесте уже не будет любезности, с какою Кроне предложил ему первую сигару четыре года тому назад. Да, с тех пор Кроне порядочно изменился. Один только раз он был так же обворожителен, как на первом свидании: при встрече после своего выздоровления...

Гаусс лежал, не включая свет. В тишине было слышно, как поскрипывала кожа дивана под его большим телом. Погруженный в темноту кабинет казался огромным. Отсвет уличного фонаря вырвал одно-единственное красное пятно на темном холсте портрета. Определить его форму было невозможно. Но генерал хорошо знал: это был воротник военного сюртука. Он отчетливо представлял себе и черты лица над этим воротником. Ленбах изобразил это лицо именно таким, каким запечатлела его память Гаусса. Живым Гаусс видел этого человека всего несколько раз. Гаусс был тогда слишком молод и незначителен, чтобы иметь частые встречи с генерал-фельдмаршалом графом Мольтке. Тому не было дела до молодого офицера, только что поступившего в академию. Если бы старик знал, что этот офицер сидит теперь в главном штабе, он, может быть, глядел бы на него со стены не так сурово!

Гаусс угадывал в темноте холодный взгляд старческих глаз; сердитая складка лежала вокруг тонких выбритых губ; прядь легкой, как пух, седины колыхалась между ухом и краем лакированной каски.

Генерал услышал дребезжащий голос Мольтке:

– Затруднения надо преодолеть. Главенство армии должно быть сохранено.

– Боюсь, что я не родился с талантом организатора, ваше высокопревосходительство, – скромно ответил Гаусс.

Мохнатые брови Мольтке сердито задвигались.

– Талант – это работа. Извольте работать. Вы полагаете, что я победил в семьдесят первом году так, между делом? Нет-с, молодой человек, я полвека работал для этой победы. Один из ваших товарищей, полковник Шлиффен, сказал верно: «Славе предшествуют труд и пот».

Мысль Гаусса вдруг раздвоилась, и в то время как одна ее половина продолжала следить за словами Мольтке, другая поспешно рылась в памяти: «Кто-то еще говорил о славе нечто подобное. Кто же?... Кто-то из французов: «Слава – это непрерывное усилие».

– Бывает, что ни одно из положений стратегии неприменимо, – робко заметил Гаусс.

Мольтке медленно обернулся куда-то в темноту:

– Послушайте, молодой человек. Скажите этому капитану, что всякий желающий достигнуть решающей победы, должен стать над законами стратегии и морали. Нужно решать: какие из этих условностей можно нарушить, чтобы обмануть противника, и какие должно использовать, чтобы связать его свободу.

Голос Шлиффена ответил из темноты:

– Позвольте мне повторить слова вашего высокопревосходительства:

«Стратегия представляет собой умение находить выход из любого положения».

Вот и все... Извольте проснуться!

Гаусс почувствовал легкое прикосновение к плечу.

– Извольте проснуться!

– Да, да... – Генерал быстро сел. Ноги в красных шерстяных носках беспомощно шарили вдоль дивана.

Денщик нагнулся и придвинул туфли.

– Телефон, экселенц.

Генерал, шаркая, подошел к столу.

– Август?.. Да, да... Отлично... Через четверть часа?.. Жду, жду.

Он потянулся: «Я, кажется, умудрился видеть сон?» Он силился представить виденное и не мог. Но взглянув на портреты Мольтке и Шлиффена, вспомнил все.

Он вышел в зал и повернул выключатель. Со стен на него смотрело несколько поколений руководителей армии. Гаусс мог на память восстановить каждую деталь старых полотен. Зейдлиц, Дерфлингер... Дальше Шарнгорст, Гнейзенау... Вот снова победитель при Кенигреце и Седане, по сторонам от него – старый разбойник Бисмарк и Вильгельм I, приведенный им к воротам Вены и во дворец французских королей. Генерал не любил этого портрета. А вот и младшие: Фалькенгайн, Макензен. Эти ловкачи ускользнули от необходимости расхлебывать заваренную ими кашу. Нагадили всему свету, а расплачиваться «молодым людям» вроде Гаусса!

«Славе предшествуют труд и пот!» Гаусс усмехнулся: «Наивные времена! В наши дни славе сопутствует риск получить пулю в затылок...»

Генерал сердито выключил свет. Полководцы послушно исчезли. Сразу хоп – и нет никого. Направо кругом! Если бы его так же слушались в жизни! Но жизнь – не то. Вот она течет там, за окнами, – темная и не всегда понятная.

Даже его родная Маргаретенштрассе казалась таинственной в этой мокрой черноте. А ведь здесь прошла почти вся жизнь Гаусса. Он помнил еще те времена, когда улицу пересаживала большая вилла с парком, там, где теперь проходит Викториаштрассе. Это были милые, тихие времена. Он приезжал домой кадетом, потом юнкером и молодым офицером. Большая квартира, всегда немного пахнувшая скипидаром и воском и еще чем-то таким же старомодным. Холодные каминные; скользкий паркет; тусклый свет даже в солнечные дни. Отец не считал нужным прорубать широкие окна, ломать стены и лестницы, как делали другие. По его мнению, дом и так не был худшим на этой старой улице.

Но вот снесли дом в конце Маргаретенштрассе, и она сделалась сквозной. Старые дома стали ломать один за другим. На их месте вырастали новые. Архитекторы изошрялись в их украшении. Церковь Святого Матфея перестала быть гордостью квартала. В новые дома приходили чужие, непонятные люди. Это не были крупные чиновники или помещики, приезжавшие на зиму из своих имений, чтобы побывать при дворе. Промышленники средней руки и коммерсанты явились, как равные. Среди них многие разбогатели во время мировой войны. Только в ту часть улицы, что прилегает к Маттеикирхштрассе, шиберы не решались некоторое время совать нос. Но вот и на скрещении этих улиц появились новые люди.

Великолепная вилла Ульштейна стала резиденцией Рема. Он облюбил этот дом, похожий на старинный французский замок, под штаб-квартиру своей коричневой шайки. Наступили шумные времена. День и ночь сновали автомобили. Ярко горели фонари, освещая подъезд и сад с бронзой Функа и Шиллинга. О том, что творилось в роскошных залах и глубоких подвалах виллы, осторожно шептался Берлин...

Преломляя свет далеких, еще не видимых Гауссу автомобильных фар, дождевые капли крупными светящимися бусинками скатывались по черному стеклу. Одна за другой, поодиночке и целыми рядами, появлялись они из-за рамы.

«Словно солдаты в ночной атаке, выталкиваемые из своих окопов и бесследно исчезающие в траншеях врага», – пришло в голову Гауссу.

У дома остановилась машина. Из-за руля вылез коренастый человек. В подъезде вспыхнул свет. Генерал узнал брата Августа.

Тот вошел, немного прихрамывая.

– До сих пор не могу привыкнуть к твоему штатскому костюму, – сказал генерал, заботливо усаживая гостя.

– Прежде всего прикажи-ка дать чего-нибудь... – Август прищелкнул пальцами и предупредил: – Только не твоей лечебной бурды!

– Прошлые привычки уживаются с твоим саном?

– Профессия священника – примирять непримиримое.

– Я хотел с тобою посоветоваться...

– В наше время священник не такой уж надежный советчик, – насмешливо ответил Август. – Речь идет о церкви?

– Нет, о войне. Теперь уже ясно: мы сможем начать войну.

В глазах священника загорелся веселый огонек.

– Ого!

– Да, наконец-то!

– Немцы оторвут вам голову...

Генерал отмахнулся обеими руками и, видимо, не на шутку рассердившись, крикнул:

– Не говори пустяков!

– Ты же сам хотел посоветоваться.

– Не думаю, чтобы такова была точка зрения церкви. Она всегда благословляла оружие тех, кто сражался за наше дело.

– Тут ты, конечно, не прав. Церковь во многих случаях благословляла оружие обеих сторон!

– Раньше ты не был циником, – с удивлением произнес генерал.

– Это только трезвый взгляд на политику. – Август потянулся к бутылке. – Позволишь?

– Наливай сам, – скороговоркой бросил генерал и раздраженно продолжал: – Что дает тебе основание думать, будто мы не сможем повести немцев на войну?

Август расхохотался:

– Ты же не дал мне договорить! Я хотел сказать, что немцы поддержат вас во всякой войне...

– Вот, вот!

– Кроме войны с коммунистами.

– А о какой другой цели стоит говорить?.. Именно потому, что эта цель является главной и определяющей все остальные, мы и обязаны относиться к достижению ее с величайшей бережностью. Мы недаром едим свой довольно черствый хлеб, – с усмешкой сказал генерал. – Мы начнем с Австрии. Это будет сделано чисто и быстро: трик-трак!

– Ты воображаешь, будто никто не догадывается, как это будет выглядеть? Перебросками поездов вы создадите иллюзию движения миллионной армии, которой нет!

– Для проведения аншлюса нам не нужны такие силы.

– Что вы будете делать, если не удастся взорвать Австрию изнутри?

– Воевать!

– Зачем ты говоришь это мне, Вернер?

– Потому, что это так.

– Я же не французский или английский дипломат, чтобы дать себя уверить, будто вы способны воевать хотя бы с Австрией!

– Ты не имеешь представления об истинном положении.

Август посмотрел на брата сквозь стекло рюмки.

– Напрасно ты так думаешь, Вернер. Мы знаем...

– Кто это «мы»?

– Люди... в черных пиджаках, заменяющих теперь сутаны.

– И что же, что вы там знаете такого?

– Все.

– Сильно сказано, Август. Время церкви прошло! Ее акции стоят слишком низко.

– Ты заблуждаешься, Вернер. Просто удивительно, до чего вы все ограничены!

– Ограниченны мы или нет – реальная сила у нас, – и, вытянув руку, генерал сжал кулак.

Синие вены склеротика надулись под белой нездоровой кожей.

Август рассмеялся.

– Вот, вот! Вы сами не замечаете того, что кулак этот состарился. А другие замечают. В том числе и церковь!

– Битвы выигрываются пушками, а не кропилами!

– Кто же предлагает вам: «Откажитесь от огнеметов и идите на русских с распятием»?..

Но мы говорим: прежде чем пускать в ход огнеметчиков, используйте умных людей. В таком вот пиджаке можно даже прикинуться коммунистом. – Август пристально посмотрел в глаза брату: – Если вы этого не поймете вовремя, то будете биты.

– Ни одного из вас большевики не подпустят к себе и на пушечный выстрел.

Лицо Августа стало необыкновенно серьезным.

– Нужно проникнуть к ним. Иначе... – Август выразительным жестом провел себе по горлу.

– Э, нет! – протестующе воскликнул генерал. – Уж это-то преувеличено.

– Нужно наконец взглянуть правде в глаза, Вернер.

– В чем она, эта твоя правда?

– В том, что мы одряхлели.

– Меня-то ты рано хоронишь, себя – тем более.

– Я говорю о нашем сословии, может быть, даже больше, чем о сословии, – о тех, кто всегда управлял немецким народом, обо всех нас. Ваша, военных, беда в том, что у вас нет никого, кто мог бы трезво проанализировать современное положение до конца, во всей его сложности.

– Разве мы оба не признали, что конечная цель – подавить Россию – является общей для нас?

– Поэтому-то и хочется, чтобы вы были умней.

Август достал бумажник и из него листок папиросной бумаги. Осторожно развернул его и поднес к глазам недоумевающего генерала.

– Что это?

Генерал взял листок. По мере того как он читал, лицо его мрачнело: «...Мы спрашиваем верующих: не имеем ли мы все общего врага – фюрера? Нет ли у всех немцев одного великого долга – схватить за руки национал-социалистских поджигателей войны, чтобы спасти наш народ от страшной военной угрозы? Мы готовы всеми силами поддержать справедливую борьбу за права верующих, за свободу вашей веры. В деле обороны от грязных нападков Розенберга и Штрейхера мы на вашей стороне...»

Генерал поднял изумленный взгляд на брата:

– Тут подписано: «Центральный комитет коммунистической партии Германии».

– Приятно видеть, что ты не разучился читать.

– Этого не может быть! – воскликнул Гаусс. – Никаких коммунистов в Германии больше нет! Это фальшивка.

– Фальшивка? Нет! – Август рассмеялся. – Это подлинно, как папская булла.

– Открытое письмо верующим Германии?.. Откуда ты это взял?

– Разве это не адресовано в первую очередь именно нам, служителям церкви?

– Я ничего не понимаю, Август. Ты, фон Гаусс, ты, офицер, наконец, просто священник – и с этой бумажкой в руках! Это не поддается моему пониманию: протягивать руку черт знает кому...

- А ты предпочел бы, чтобы паства шла к ним без нас?
- К этим большевикам?.. Верующие? – Гаусс деланно рассмеялся.
- Они уже идут.
- Но... – Генерал растерянно развел руками и снова посмотрел на листок. – Я не могу понять, куда же это ведет?
- Прямо к ним! К коммунистам... Налей, пожалуйста, рюмку, тебе ближе!
- Пока генерал наливал, Август бережно спрятал листок.
- Дай его мне, – сказал генерал.
- Чтобы ты провалил все дело? Нет, пока оно нам на руку, мы вас в него не пустим!
- «Мы, мы», – раздраженно передразнил Гаусс. – Мне совсем не нравится это «мы», словно ты уже там, с ними.
- Я должен «понять свои заблуждения» и от католиков перейти к коммунистам.
- Какая мерзость!
- Милый мой, ты, по-видимому, никогда не читал Лойолы!
- Признаюсь.
- И напрасно: «Если римская церковь назовет белое черным, мы должны без колебания следовать ей». *Ad maiorem Dei gloriam*¹. Я, собственно говоря, заехал сказать тебе, чтобы ты не удивлялся, если когда-нибудь услышишь, что я «раскаялся» и стал «красным».
- Август! – в испуге произнес генерал.
- Этого могут потребовать тактические соображения: пробраться в среду коммунистов. Разве тебе не было бы интересно узнать, что там творится? Вижу, вижу: у тебя заблестели глаза! Увы, старик, это только мечты! Так далеко я не надеюсь пролезть, но кое-что мы все-таки сделаем. Может быть, тебе придется еще когда-нибудь спасать от рук гестапо своего «красного» брата. – И Август рассмеялся.
- Глядя на него, улыбнулся и генерал.
- А теперь говори, зачем ты меня звал? – спросил Август.
- Ты меня заговорил... – Генерал потер лоб. – Вопрос прост: чтобы подойти к главной задаче – покончить с Россией раз и навсегда, нужно решить много предварительных задач.
- Это верно, – согласился Август. – Чем важнее цель, тем больше задач возникает на пути к ней.
- Вот здесь-то, на этом пути, у нас и возникли существенные разногласия.
- С кем?
- Несколько мгновений Гаусс исподлобья смотрел на брата, будто не решался договорить. Потом сказал отрывисто:
- С Гитлером.
- Вот что!
- Да. Они там не хотят понять...
- Кто?
- Гитлер и его дилетанты, Йодль и другие, – с досадой, отмахнулся генерал, – не хотят понять, что нельзя бросаться на Россию, не покончив сначала с Францией и Англией.
- А ты?
- Я считаю, что сначала нужно очистить свой тыл, нужно поставить на колени Англию, Францию и других... – Гаусс сделал пренебрежительный жест.
- Август задумался.
- Ты об этом и хотел меня спросить?
- Это очень важно.
- Для всего дела?

---

¹ К вящей славе Бога (*лат.*).

- И лично для меня.
- Тогда я тебе скажу: не спорь.
- Лицо генерала побагровело:
- Я не боюсь...
- Дело не в этом... – Август вскочил и в волнении прошелся по комнате.
- Говори же! – нетерпеливо сказал Гаусс.
- По-моему, они правы.
- Начинать с России?
- Да.
- Драться с нею, имея за спиной непокоренную Францию, неразбитых англичан? Вы все сошли с ума!
- А не кажется ли тебе, что именно неразбитая Франция, именно невраждебная Англия не только наш спокойный тыл, но и лучший резерв?
- Англия не успокоится, пока мы не будем уничтожены! Она спит и видит, как бы столкнуть нас с Россией.
- В этом-то и горе! А нужно втолковать англичанам, что все вопросы, все споры могут быть решены за счет России. Пусть нам дадут Украину, Донбасс и прибалтийские провинции – и мы отдадим англичанам Африку на вечные времена!
- Значит, ты считаешь, что они правы? – не скрывая огорчения, спросил Гаусс.
- Да! Лучше иметь в тылу англо-французского союзника со всеми его ресурсами, чем ломать себе зубы до драки с русскими. В этой драке пригодится каждый зуб!
- Тут какой-то заколдованный круг. Мы в нем вертимся вот уже сколько лет!
- Рано или поздно мы столкнемся с Россией, и тогда все станет на свои места.
- Дай бог, дай бог, – сказал генерал.
- От него зависит совсем не так мало, как ты думаешь, – весело проговорил Август.
- От кого? – удивленно спросил генерал.
- От Бога, господин генерал, от Господа Бога!
- Я никогда не был его поклонником.
- А между тем я мог бы тебе сказать нечто, что заставит тебя об этом пожалеть: американцы вступают в теснейшие сношения со Святым престолом.
- Что? Бизнес с Богом? – И генерал рассмеялся.
- Это вовсе не так смешно, Вернер, – наставительно произнес Август.
- Ну, что касается наци, то они, кажется, никогда не были поклонниками Христа.
- Дело не в Христе, а в папе. Наци уже знают, сколько дверей может открыть комбинация из креста и свастики. А скоро увидят и новую комбинацию: доллар и крест.
- Генерал поморщился:
- Мы с тобой болтали, как двое старых громил, не хватает только заговорить об отмычках.
- Время, Вернер, время! Кстати о времени. – Август озабоченно посмотрел на часы. – Мне пора, старик!
- Послушай, Август, если все это серьезно, насчет этих «комбинаций»...
- Которых, Вернер?
- Ну, я имею в виду Ватикан и Америку. Это ведь, наверно, могло бы сильно облегчить нам задачу на Западе?
- Если бы вы сговорились с католиками?
- Да!
- Разумеется, умный ход мог бы дать тебе в одной Европе армию в двести двадцать миллионов католиков!

– Ого! – воскликнул генерал. – Мне, признаться, никогда не приходило в голову заняться такой статистикой.

– Иметь союзников на том самом Западе, который тебя сейчас так интересует, – союзников верных, дисциплинированных, организованных и, главное, послушных слову святого отца, – это кое-чего стоит!

– Пожалуй, над этим действительно стоит подумать...

– Ты помнишь Пачелли? – спросил Август.

– Кардинала? Конечно! Нас познакомили на каком-то приеме. Он мне понравился. Те, кто знал его в Мюнхене, считают его умнейшим человеком.

Август согласно кивнул.

– Иначе он не забрал бы в руки и все католические дела и самого папу.

– Ты полагаешь, что нынешний статс-секретарь – истинный хозяин Ватикана?

– И можно почти с уверенностью сказать: когда не станет святейшего отца, Пачелли – единственный кандидат на престол Петра.

– Какое отношение все это имеет к нашей теме?

– Самое прямое: если Пачелли согласится положить столько же стараний на то, чтобы привести вам Францию с веревкой на шее и в коричневой власянице кающегося фашиста, сколько он положил на то, чтобы поставить итальянцев на колени перед Муссолини, испанцев – перед Франко, португальцев – перед Салазаром, поляков – перед Рыдз-Смиглы и Беком, то можете быть спокойны: французские генералы не ударят вам в спину.

– Что же, по-твоему, нужно, чтобы так расположить к нам Пачелли?

– Твердо стоять именно на той позиции, на которой стоят Гитлер и его покровители: Россия – вот враг! Тут нам будет по пути не только с англичанами и американцами, но и со Святым престолом.

– Но ведь все его прежние «крестовые походы» против коммунистической России провалились?

– Воинствующая римская церковь не устанет их организовывать вновь и вновь. Ее не могут обескуражить временные неудачи. Она не привыкла спешить.

– Все, что ты говоришь, чертовски напоминает мне один давнишний разговор, свидетелем которого я был...

Заметив, что старший брат вдруг умолк, словно спохватившись, что сболтнул лишнее, Август ободряюще сказал:

– Ну, ну, можешь быть спокоен – дальше меня не пойдет ничто.

– Я был однажды вызван Сектом, чтобы присутствовать при его разговоре с неким приезжим из Советской России.

– Это было давно?

– Еще в двадцатые годы, в трудный для рейхсвера период. Мы думали тогда, что удастся вместе с Польшей и при поддержке деньгами и техникой со стороны бывших союзников России ударить по большевикам, прежде чем они встанут на ноги. Тот человек, о котором я говорю, был, так сказать, полномочным эмиссаром Троцкого. Он тоже болтал тогда о планах, рассчитанных на покорение всего мира, но готов был уступить его нам, отдав впридачу и добрую половину России, лишь бы мы поскорее вторглись в СССР и помогли бы им как-нибудь захватить власть.

– Милый мой, во-первых, Пачелли умнее Троцкого, во-вторых, у него не жалкая шайка политических ренегатов, а отлично организованный аппарат, офицерский корпус в сотню тысяч священников с многовековым опытом работы во всем мире и немало подданных, способных ради того, чтобы попасть в рай, перерезать горло родному брату здесь, в этом мире юдоли и суеты.

– Пожалуй, стоит подумать о том, чтобы использовать эту силу не так глупо, как это пробовали сделать Брюнинг и Папен. Не думаешь ли ты, что мы могли бы сговориться с вашими руководителями о предоставлении нам опытных священников, прежде всего в России, для ведения разведывательной и диверсионной работы?

– Для этого вам могут пригодиться далеко не одни только священники. У нас существуют и тайные ордены мирян, которые выполняют любой приказ Рима так же беспрекословно, как священники.

– Вопрос в том, во что это может нам обойтись?

– Тут вы найдете общий язык со Святым престолом. Только советую иметь дело непосредственно с Пачелли. Он так ненавидит коммунистов, что сделает вам большую скидку, а может быть, организует для вас хорошую разведку даже даром. Только пообещайте ему повесить всех, кого он включит в свой черный список.

– О, это мы ему обещаем охотно! Это куда дешевле, чем с нас брали троцкисты. Те были чертовски жадны на деньги... Спасибо тебе за отличный совет, Август... Хорошо бы действительно повидаться с этим Пачелли.

– Это можно устроить.

– На нейтральной почве, конечно, – поспешно прибавил Гаусс.

Август протянул брату руку.

– Я не предлагаю тебе благословения, старина, но удачи пожелаю! Да, от всего сердца. А главное: не ошибись. Не стоит спорить из-за деталей, если ты согласен с Гитлером в главном. Подумай, прежде чем решать.

Гаусс, не без некоторого смущения, произнес:

– Видишь ли, Август... – он замялся. – Вероятно, я должен был тебе сказать это раньше, но как-то не было случая...

– Что еще у тебя там?

– Времена быстро меняются. Обеспечением нашего состояния уже не может служить земля, и мне кажется, что нужно подумать о другом – о вложении капитала в промышленность, даже ценою продажи земель.

– Это, может быть, и было бы верно, если бы у нас были шансы получить в промышленности те места, какие должны нам принадлежать. Но ты же сам понимаешь: мы опоздали!

Впервые за все время свидания Гаусс рассмеялся, негромко и скрипуче:

– Вот, вот, мальчуган! – Он похлопал Августа по плечу. – Поворотливость – вот что нам нужно. Должен сознаться, что, будучи в Испании, я очень выгодно приобрел директорский пакет одной горнорудной компании.

Он запнулся, раздумывая: стоит ли говорить, что этот пакет он захватил уже тогда, когда у него выработался аппетит к легкой наживе на покупке акций Телефонного общества в Мадриде. Но прежде чем он решил для себя вопрос – говорить или нет, брат уже перебил его.

– Ага! – воскликнул Август. – Ты, я вижу, вовсе не так безнадежен, как мне казалось! Это и есть путь, на который должны стать наши военные!

– Для этого им нужно побывать в таких обстоятельствах, в каких я был в Испании!

– Наци им эти обстоятельства дадут!

– Дай бог!

– Можешь быть уверен. Да, да, это и есть верный путь: личная заинтересованность каждого из вас в том деле, которое он делает. Это верно понял Геринг.

– А ты не думаешь, что о нем больше врут, чем...

– Врут?... – Август расхохотался. – Могу тебе сказать с полной достоверностью: именно сейчас идет грызня за акции Альпине-Монтан между Герингом и Тиссенем! И, пожалуйста, закрой глаза на такую чепуху, как дурное воспитание ефрейтора. Он, друг мой, идет по пра-

вильному пути. Если он и дальше будет шагать так же твердо и правильно, то церковь обеспечит ему свою поддержку!

– Я уже сказал тебе, – в некотором раздражении проговорил Гаусс, – он намерен начинать не с того конца.

– Важна главная цель.

– Тут-то мы сговоримся.

– Тогда – да поможет вам Бог!

3

Часы на церкви Святого Матфея пробили одиннадцать. Маргаретенштрассе была погружена во мрак. Горел каждый третий фонарь: магистрат стал экономен.

Редкие пятна света дробились в лужах. В воздухе еще пахло недавним дождем.

На углу, у подвала молочной, привычно устанавливалась очередь к утренней раздаче молока. Люди приходили в дождевиках. В этот вечер жители квартала делали уже третью попытку установить обычную очередь. Каждый проходящий с радостью обнаруживал, что на этот раз он оказался первым: если привезут молоко, он его наверняка получит. Однако радость оказывалась недолгой. От стены отделялась молчаливая тень шупо. Полицейский тихо, но безапелляционно говорил:

– Псс... домой!

– Мне нужно молоко.

– Идите спать.

– Я постою.

– Мне вам долго объяснять?... Убирайтесь!

Маргаретенштрассе была тиха и пустынна. Несмотря на ранний час, она казалась погруженной в глубокий сон. Окна были закрыты шторами. Шупо внимательно следили за тем, чтобы в этих шторах не появлялось щелок.

Шупо прохаживались по мостовой. Их шаги глухо отдавались на мокром асфальте. Полицейский офицер, стоя на противоположном тротуаре, смотрел на темные окна дома Гаусса.

По ту сторону дубовых дверей подъезда была тишина, хотя вестибюль и был залит ярким светом. Несколько солдат стояли вдоль стены, у парадной двери и у подножия лестницы.

Караульный офицер медленно поднялся до верхней площадки. Прошел по комнатам второго этажа. У дверей комнат тоже стояли солдаты.

Офицер дошел до дверей генеральского кабинета. Попытался прислушаться к тому, что делалось по ту сторону. Но дверь была слишком толста. Офицер пошел обратно: по комнатам, вниз по лестнице между рядами молчаливых солдат...

В генеральском кабинете Мольтке глядел со стены сквозь голубые облака сигарного дыма. В креслах, на диванах были одни генералы, – ни одного офицера рангом ниже, если не считать Отто, устало прислонившегося к стене.

Он следил глазами за своим шефом. Гаусс стоял спиной к карте, закрывавшей всю стену позади письменного стола. Совещание должно было решить многое: лично для Гаусса, для армии, для страны. Одни горячо поддерживали Гаусса, другие резко возражали. Приглашенные расселись на две стороны, как парламентские фракционеры: одни справа, другие слева.

Никто лучше бывших штабных офицеров Людендорфа не знал, во что обошлась Германии война с Россией, поход Эйхгорна, экспедиция фон дер Гольца, вылазка Вермонта.

Генералы сопоставляли простые на первый взгляд вещи: на востоке – Россия с 21 миллионом квадратных километров территории, с 170 миллионами населения, с огромным расстоянием от границы до центра страны – Москвы; на западе – Франция с 40 миллионами населения и с Парижем, уже видевшим в своих стенах пруссаков. Для 80 миллионов немцев второй противник заманчивей.

Ресурсы запада вдвое меньше ресурсов нападающего, ресурсы востока вдвое больше. Выбор казался несложным. Особенно теперь, когда испанская история показала не только неспособность, но и нежелание Франции сопротивляться, – теперь, когда к ее затылку вот-вот будет приставлен пистолет Франко.

Генеральный штаб понимал, что фронт наибольшей длины и глубины, каким является восточный фронт в войне с СССР, представляется для современной армии прорыва гораздо менее выгодным, чем неглубокий французский фронт.

Генеральный штаб боялся и повторения роковой ошибки – войны на два фронта. Он делал все возможное, чтобы отложить план Шверера – Гофмана на вторую очередь, до тех пор, пока не будет покончено с западом.

Все эти соображения подкреплялись тем, что говорили о французской армии сами французы. Кому из немецких генералов не была известна книжка Шарля де Голля? Недаром же немецкий перевод «Наемной армии» был издан самими немцами.

Гаусс не знал, сколько тысяч марок заплатили де Голлю за право этого издания, но любой расход был оправдан тем, что писал этот тип. Он убедительно доказывал, что Франция не способна воевать.

Французы не были готовы к войне. Чего же было еще желать? Разве в евангелии нацизма рукою Гитлера не было написано, что начинать нужно со слабейшего? Разве того же самого не говорили когда-то Гауссу и Гесс, и сам Гитлер в приложении к планам овладения Австрией?

Так где же был здравый смысл тех, кто пытался навязать генеральному штабу идею первоочередности войны с Россией?

Однако казалось, что действительность опережала лучшие намерения генштабистов. Новая установка наци была ясна: значение Франции как военной державы будет сведено на нет, прежде чем возникнет война с нею. Приставленный к ее затылку «испанский горчичник» рано или поздно окажет свое действие. Лишенная поддержки Англии, Франция будет забаррикадирована с юга и юго-востока Испанией и Италией. В ближайшем будущем Франция лишится всякой поддержки в Восточной и Юго-Восточной Европе. Она сама разрушала там свои союзы. Балканские страны и страны Дунайского бассейна либо включатся в орбиту влияния Германии, либо попросту станут частью ее территории. Североафриканские колонии французов отпадут, так как очень скоро коммуникации Франции с Африкой станут фикцией. Франция перестанет существовать не только как великая держава, но даже как политическая сила, могущая хоть как-нибудь влиять на судьбы Европы.

Войны с Англией следовало избежать. Нужно было втянуть ее в борьбу с Россией на стороне Германии. Пока имелись шансы обмануть бдительность британцев посулами дележа мира за счет «третьих государств», фланг Германии был свободен. Вся тяжесть удара могла быть обрушена на Россию.

Но Гаусс решительно отстаивал свою точку зрения. Его речь не оставляла сомнений в том, чего он хотел.

– Мы не можем согласиться на преждевременную войну с Россией, результатом которой будет гибель германской армии. Я готов бороться. И предлагаю всем, кто не хочет остаться без армии, идти со мной! – проговорил Гаусс.

Отто молча стоял у окна. Время от времени он вынимал часы; нажав репетиры, подносил их к уху. Сыграв куплет из наивной старой песенки, часы мелодично отзванивали положенное число ударов. Час... час тридцать... два... два тридцать...

По мере того как время подходило к трем, Отто чаще вынимал часы. Он зажал их в руке, с трудом сдерживая ее дрожь.

В три без десяти раздался стук в дверь. Караульный офицер сказал Отто на ухо, что на Маргаретенштрассе появился полицейский броневик.

Отто кивнул, словно знал это и без офицера. Перескакивая через несколько ступенек, он сбежал с лестницы.

– Отоприте! – крикнул он солдатам у входа.

В дом вошли эсэсовцы. Они двигались уверенно, как если бы расположение комнат было им заранее известно.

В кабинете продолжали совещаться, когда отворилась дверь и в ней появился бригадфюрер СС. На его щеке ярко белел шрам в виде двух сходящихся полумесяцев. Именно в этот момент на столе Гаусса звякнул телефон; гестаповец взял трубку, вежливо отстранив руку хозяина.

– Все готово, господин группенфюрер... Да, да, уже сделано... Слушаю... Будет исполнено, господин группенфюрер! – Гестаповец повернулся к генералам: – Вам придется проследовать за мной на заседание к одному важному лицу. Всего несколько минут ожидания, господа, пока будут поданы машины...

Через четверть часа Отто стоял у окна кабинета и, прислонившись лбом к стеклу, смотрел на улицу. Он видел, как к дому подъезжали автомобили. Шторки в них были опущены.

Отто видел, как сопровождаемые эсэсовцами участники совещания один за другим садились в машины. Дверцы захлопывались, и машины исчезали во тьме.

Отто опустил штору. Не зажигая света в тихих комнатах, прошел в столовую. Нашупал дверцу буфета и вынул бутылку...

Маргаретенштрассе опустела. В холодном сумраке жались у подвального молочной робкие тени. Их никто теперь не гнал. Хвост очереди нарастал. Ждать открытия лавки оставалось недолго: каких-нибудь три часа.

4

Двое суток Отто не появлялся дома. Если генералу Швереру удавалось поймать его по телефону, Отто отговаривался крайним недосугом и вешал трубку. Ночевал он у Сюзанн.

Беспокойное любопытство грызло Шверера. Он просматривал газеты опытным глазом человека, привыкшего читать между строк смысл сводок, не изображенный печатными знаками. По-видимому, наци собирались преподнести какое-нибудь новое достижение. Военная печать трубила об успехах в строительстве вооруженных сил империи. Все было неопределенно. Но Шверер готов был поклясться: надвигались большие события. А он оставался в стороне и был по-прежнему забыт. Ни одного визита, хотя бы телефонный звонок кого-нибудь из прежних друзей. Ничего! Как будто он виноват в этой нелепой китайской истории.

Преодолевая самолюбие, он пытался вызвать по телефону кое-кого из служащих военного министерства. Одних нельзя было поймать, телефоны других просто не отвечали. Наконец, и это самое неприятное, люди помельче, до которых он докатился, довольно откровенно торопились отделаться от Шверера.

Он понял, что теряет остатки своего достоинства в глазах этой шушеры.

Шверер лег спать, так ничего и не добившись.

Около часа ночи его поднял телефонный звонок. Автомат настойчиво посылал сигналы в темноту. Шверер спросонок не мог найти выключатель. Наконец снял трубку. В ней послышался голос Пруста. Дружески просто он просил разрешения посетить Шверера.

– С восьми утра к твоим услугам, – сухо ответил Шверер.

– Было бы удобнее сейчас.

Искушение назначить свидание именно завтра, вопреки просьбе Пруста, было велико. Но Шверер быстро оценил многозначительность ситуации: Пруст просит о свидании глубокой ночью. Это неспроста. Шверер злорадно улыбнулся трубке и согласился на свидание немедленно.

Что могло случиться?

Что бы ни случилось, Пруст нуждался в нем, осмеянном «авторе сумасбродных проектов».

Шверер торопливо одевался. Он не желал предстать перед Прустом в мятой пижаме. Он, конечно, не станет надевать парадный мундир, но рабочая тужурка с ленточкой в петлице все же нужна. Когда войдет Пруст, Шверер будет сидеть за письменным столом над рукописью «Марша».

Но все произошло не так, как представлял себе Шверер. Пруст появился уже через несколько минут и застал Шверера в генеральской тужурке, но еще в полосатых панталонах пижамы.

Не обращая внимания на хмурый вид хозяина, Пруст дружески расспрашивал о семье. Его интересовало здоровье фрау Эммы, работы Эгона, карьера Отто, ученье Эрнста... Ах, он давно уже не учится? Вот как! Бросил? Напрасно. Мальчику нужно было получить диплом.

Скупко отвечая на вопросы гостя, Шверер не стремился подогреть неожиданный интерес того к делам семейства. Все его внимание было сосредоточено на том, чтобы в потоке слов, являющихся не чем иным, как артиллерийской подготовкой, не прозевать выстрела, означающего начало атаки.

И вот Пруст, словно невзначай, спросил, как подвигается разработка плана восточного похода, скоро ли будет окончена рукопись «Марша». Тут-то Шверер своим острым носом и угадал начало атаки. Несколько усилий с его стороны – и гостю пришлось выложить главное. Спасая собственные головы и головы остальных участников ночного совещания, Гаусс и Пруст должны были поклясться, что отныне самым серьезным образом займутся вопросами подго-

товки большой войны, войны против России! Да, да, войны, которую они еще неделю тому назад считали преждевременной и называли «свинячьим бредом Гофмана – Шверера».

Шверер был так поражен, что даже не выразил радости. То, что выглядело простым и ясным на страницах «Марша», представилось теперь таким бесконечно большим и сложным, что ему показалось, будто под этим грузом подгибаются его колени. Он ощутил непомерную тяжесть. Хотелось сесть и не шевелиться.

А Пруст сказал:

– Завтра же поедem к главнокомандующему. Нужно тебя представить. Ты увидишь: иногда он производит впечатление совершенно нормального человека. К тому же он не любит вдаваться в детали. У него главное – масштаб. Остальное он предоставляет нам. Глядя на него, я начинаю думать: и не лучше ли, когда во главе дела стоит ефрейтор?

Пруст собрался уже уходить, когда Шверер решился, наконец, задать вопрос, волновавший его все эти дни.

– Послушай, Берни, – его голос был при этом почти вкрадчив, – ты не знаешь, что случилось с Гауссом?

– А что?

– Куда он девался?

– Он... получил новое, очень важное задание.

– Ты что-то хитришь, Бернгард, – и Шверер шутливо погрозил пальцем.

Пруст раздул усы, и на его лице отразилось искреннее недоумение:

– Я тебя не понимаю, Конрад.

– Так вдруг не исчезают из-за нового назначения.

Пруст громко расхохотался:

– Кажется, я тебя понял. Неужели же ты вообразил?..

– Был слух...

– Не воображаешь же ты, что между ними может пробежать черная кошка? Так, маленький серый котенок! Различное толкование одной и той же идеи.

– Я не вполне понимаю...

Пруст вернулся к креслу и, откинувшись в нем, сцепил пальцы на животе.

– Если ты действительно понимаешь не все до конца, то пожалуй, лучше сейчас же поставить точку над «i», до твоего свидания с фюрером. Все дело... было в Австрии. В различном отношении к аншлюсу.

Шверер с недоверием посмотрел на Пруста.

– Гаусс, как я понимаю, был полностью «за».

– Да, но представлял себе аншлюс как укрепление нашего тыла, – не сморгнув, продолжал тот, – а фюрер рассматривает его как мост к Чехии, к дальнейшему походу на восток.

– И в этом все дело? – с облегчением спросил Шверер.

– Разумеется.

– А я-то вообразил...

– Значит, до завтра? – И Пруст снова поднялся.

– Да. Еще минуточку...

– Да?

– А что поручено теперь Гауссу?.. Не секрет?

Пруст на минуту задумался.

– Разумеется, секрет. Впрочем, не от тебя... Видишь ли, поскольку он был настроен против восточных планов как возможного начала решительного наступления, а фюрер вовсе не хочет с ним ссориться и верит в его способности, он поручил Гауссу разработку совсем другого направления.

– Не имеющего отношения к России?

- И да и нет.
- То есть?
- Все происходящее в Европе и даже в мире имеет теперь отношение к России.
- Значит, ты имеешь в виду...
- Южный театр – и только!
- Ты меня очень успокоил.

Они расстались до следующего дня, когда поезд увез их в Берхтесгаден.

Прием был назначен на утро.

Ночь генералы провели в одном из отелей.

Давно прошли те времена, когда приезжающие на виллу Вахенфельд находили приют в частной гостиничке «Цум Тюркен». Теперь во всем районе вокруг «Волшебной горы» едва ли можно было найти хотя бы одного жителя, который не был бы эсэсовцем или агентом СД, наблюдающим за этим эсэсовцем.

Наутро к отелю был подан закрытый автомобиль с двумя эсэсовцами на переднем сиденье.

Автомобиль направился к Бергофу, но вдруг резко свернул у перекрестка, которого неопытный глаз даже не приметил бы. Автомобиль взбирался извилистой дорогой, пролегавшей по склону горы. Шверер на глаз определил ее высоту примерно в две тысячи метров.

По-прежнему вокруг не было ничего, кроме густого леса. Внезапно совершенная темнота стеною встала перед глазами Шверера. Вспыхнули фары.

Машина въехала в глубокую пещеру и остановилась. Эсэсовцы предложили генералам выйти. Их провели в глубину пещеры и усадили в стальную коробку, освещенную призрачным отраженным светом. Бесшумно захлопнулась дверь. Шверер почувствовал легкое давление снизу. Лифт начал подъем. Движение все ускорялось. Кабина остановилась не скоро. Дверь распахнулась, и в лицо Швереру ударил ослепительный луч ничем не затененного горного солнца. Шверер не сразу заметил, что находится не на открытом воздухе, а в просторном холле здания, построенного, казалось, целиком из стекла. Сквозь прозрачную стену открывалась панорама окружающих гор. Шверер понял, что он у Гитлера.

Растерянность не покидала Шверера в начале беседы с Гитлером. Гитлер нехотя отвечал на вопросы. Почти не говорил сам. Можно было подумать, что его тяготит присутствие некстати явившихся генералов. Время от времени он поднимал сразу обе руки и, морщась, тер виски. Шверер решил, что лучше всего будет поделиться с фюрером своим кредо, и принялся популярно излагать свои взгляды на стратегию, на перспективы предстоящего движения на восток.

По мере того как он говорил, тема все больше захватывала его самого. А Гитлер слушал все с тем же скучающим видом. Шверер решительно не понимал, как мог оставаться равнодушным этот человек с неряшливой черной прядью на покато лбу, с пустыми глазами, бессмысленно уставившимися куда-то мимо собеседника.

Но Шверер решил все же говорить, – если даже не для Гитлера, то для тех, кто окружал его. Они не могли не оценить идеи беспощадной войны на русском востоке.

Вдруг Гитлер порывисто откинулся на спинку кресла и резко перебил Шверера на полуслове:

– Комплекс нашего жизненного пространства – Европа. Вся Европа. Тот, кто ее завоеует, запечатлеет свой знак в веках. Я предназначен для этой цели. Если это мне не удастся – я погибну, мы все погибнем, но с нами погибнут и все народы Европы. Если вы хотите работать со мной, то должны иметь в виду: старые границы Германии меня не интересуют. Реставрация довоенной Германии не является задачей, могущей оправдать наш переворот. Чтобы воевать, нужно быть сильным; чтобы выиграть войну, не начиная ее, нужно быть вдвое сильнее.

Он говорил еще о том, что могущество Англии миновало навсегда; пояснил свое отношение к Италии: «Германия пала бы слишком низко, если бы в решительный момент положились на такую страну, как Италия».

В заключение он сказал, глядя куда-то поверх головы Шверера:

– Наша миссия заключается в том, чтобы довести войну, прерванную в тысяча девятьсот восемнадцатом году, до победоносного конца. Если я сумею это сделать, все остальное попадет в мои руки в силу простой исторической закономерности. – Он простер перед собою руку: – Позади нас позор Компьена, но впереди – торжество на востоке!

Если бы Гитлер не сказал ничего больше, то Шверер после одной этой фразы понял бы, что им по пути. Да, черт возьми, если Пруст и оказался не совсем прав в том смысле, что Гитлер вовсе не произвел на Шверера впечатления вполне вменяемого человека, то насчет масштабов он не ошибся.

То, что Шверер услышал сегодня, превзошло все его ожидания. Его, Шверера, воображение не позволяло себе таких прыжков в фантастическое будущее, какой совершил этот ефрейтор с блуждающими глазами. Да, пусть-ка заносчивые снобы из верховного командования попробуют теперь косо посмотреть на «выскачку» Шверера. Им придется иметь дело с соавтором самого фюрера! Шлиффен перевернется в гробу от зависти, увидев, в какие клещи они с Гитлером возьмут Россию! Это будут Канны! Такого объятия она не переживала за все время своего существования.

Шверер выбросил руку в нацистском приветствии и торжественно произнес:

– Мой фюрер! Под знаменем, которое вы понесете, мы двинемся на восток и завершим свою задачу на просторах России!

Гитлер был доволен, даже улыбнулся и покровительственно положил руку на плечо генерала. Но пустой взгляд его по-прежнему уходил куда-то в сторону от ищущих его восторженных глаз Шверера.

Вдруг, так поспешно, как будто он вспомнил что-то очень важное, Гитлер схватил Шверера за плечо и быстро проговорил:

– У вас есть часы, обыкновенные карманные часы?.. – И не давая Швереру ответить: – Берегите их, слышите? Скоро они станут величайшей редкостью. – И понизив голос до шепота: – Сейчас мне пришла совершенно неповторимая, гениальная идея нового аппарата для счета времени. Современные часы пойдут на свалку. Сегодня ночью я составляю окончательный проект аппарата. – И тут же, без всякого перехода, приняв величественную позу, торжественно воскликнул: – Работайте, Шверер, работайте над тем, чтобы в любой момент, когда я призову вас, быть готовым. Когда я решу сделать свою ставку в России, то ничто не мешает мне совершить еще один резкий поворот и напасть на нее. Вы поняли меня?

Шверер склонил голову. Ему хотелось на цыпочках выйти из комнаты.

5

В ту тревожную весну 1938 года, когда большая часть Западной Европы была охвачена смертельным страхом войны, во многих ее столицах можно было встретить бледное лицо Фостера Долласа.

Где бы Доллас ни был – на улице ли, в автомобиле, – он то и дело снимал котелок и проводил по голове платком, стирая росинки пота. Потливость была его бичом. Потели руки, шея, голова. Потели при малейшем волнении. Прежде чем подать кому-нибудь руку, он должен был незаметно в кармане обтирать ее. Иначе даже самый выдержанный человек спешил отстраниться от его холодной мокрой ладони.

Март застал Долласа в Париже. Конференция, переговоры следовали друг за другом; свидания, явные и тайные, происходили изо дня в день, – в посольствах, банках, кабаках, гарсоньерках разведчиков и в салонах депутатов. Доллас был неутомим. Казалось, его не занимало ничто: ни весеннее парижское солнце, ни робкая зелень бульваров, ни по-весеннему четкий стук женских каблуков по тротуарам. Дело, дело, дело – это было единственным, о чем он говорил, о чем способен был думать.

В мартовское утро, если можно считать утром время, когда солнце подошло к зениту, Доллас отпустил таксомотор у Иенской площади. Заложив руки за спину и наклонив голову, словно боясь, что, глядя на прохожих, может отвлечься от своих мыслей, он мелкими шажками устремился к улице Шейо, где помещалось американское посольство. Дойдя до угла улицы Фрейсинэ, откуда был виден подъезд посольства, он заметил хорошо знакомый ему автомобиль посла.

Это показалось Долласу странным: ведь они условились с Буллитом именно на это время. И беседа вовсе не должна была быть краткой.

Доллас на мгновение остановился, отер вспотевшую голову, держа котелок на отлете и помахивая им. Потом засеменил еще быстрее.

Буллит не дал ему даже поздороваться:

– Не раздевайтесь, – прямо садимся и едем к одному моему другу. Будем есть просто-квашу и любоваться прелестной женщиной.

– Странная комбинация, – проворчал Доллас.

– Ее муж – нечто среднее между пресвитерианским проповедником и Зигфридом. Забавный малый. Безобиден, как теленок.

– Вероятно, именно это вас больше всего устраивает, – язвительно заметил Доллас.

Буллит расхохотался и вместо ответа выразительно подмигнул. Доллас достаточно знал своего спутника, чтобы понять: его влечет не странный хозяин дома и уж, во всяком случае, не простокваша.

Адвокату было совсем не по душе ехать куда-то ради того, чтобы занимать загадочную личность, пока посол будет флиртовать с женой этой личности. Он недовольно спросил:

– Быть может, встретимся в другой раз?

– Не дурите, Фосс. – Буллит дружески ударил его по колену. – Если я скажу вам, как зовут этого малого, то чтобы только иметь возможность с ним поговорить, вы побежите за моим «кадиллаком».

Доллас исподлобья подозрительно посмотрел на Буллита:

– Ну?

– Не будьте любопытной бабой, – отмахнулся Буллит. – Увидите сами. – С этими словами он нагнулся и поднял стекло, отделявшее пассажирскую кабину от сиденья шофера. Несмотря на эту предосторожность, он все же заговорил, заметно понизив голос: – Новости знаете?

Острые глазки Долласа быстро забежали по лицу собеседника, словно на нем-то и были написаны эти новости, ради которых нужно было принимать такие предосторожности. Но черты Буллита, казавшиеся за минуту до того такими открытыми, даже добродушными, не отражали теперь ничего, кроме упрямства и жестокости, сквозивших, казалось, в каждой складке кожи.

– Вчера у меня был человек Киллингера, – сказал Буллит.

Доллас беспокойно заерзал, и все лицо его мгновенно покрылось крупными каплями пота.

– Промых, – едва слышно проговорил Буллит.

Глазки Долласа испуганно скользнули по видневшейся за стеклом спине шофера, но Буллит успокоил его движением руки:

– Гоу выпил то, что предназначалось Тридцать второму.

– Киллингер осел! – вырвалось у Долласа громче, чем нужно, и он сразу перешел на шепот: – Пустая похвальба вся эта их немецкая система.

Буллит покачал головой:

– Нет, они свое дело знают. Киллингер велел передать мне, что ничего страшного нет. Это только первый промах в бактериологической войне, которую они объявляют Тридцать второму.

– Вы совсем передоверили это им?

– Не могу же я толковать о таких вещах от своего имени! – с укоризной проговорил Буллит.

– Ах, дураки, дураки! – в смятении пробормотал Доллас. – Пока жив Рузвельт, сближение с Германией не удастся сделать популярным в Америке. А оно с каждым днем становится все более необходимым. Настоятельно необходимым!

– Поэтому я и хочу, чтобы вы познакомились с одним моим другом...

– Тот, к кому мы едем?

– Пока я не вижу надобности афишировать нашу близость. Но со временем... У него дьявольский ум, Фосс! Он принесет нашему делу большую, очень большую пользу.

Но Доллас плохо его слушал. Его мысли вертелись вокруг неудачи с отравлением президента. Следуя им, он сказал:

– Но как вы думаете, Уильям, они сумеют, этот Киллингер и другие?

Буллит досадливо повел плечами:

– Если они окажутся не способными покончить с ФДР, мы пустим в ход свою собственную машину. Не хочется только подвергать такому риску Говера.

– Нет, нет, что вы! – испуганно воскликнул Доллас. – Президент верит ему и должен верить до конца!

– А Говер мог бы. У него отлично работающая машина, – мечтательно проговорил Буллит.

Глазки Долласа испуганно ощупали лицо Буллита: мог ли этот человек знать, что и первое неудачное покушение на Рузвельта в 1933 году тоже было делом рук Говера?

– Вы чертовски легкомысленный человек, Уильям, – недовольно пробормотал Доллас, чтобы переменить разговор. – Всякому встречному болтаете первое, что придет в голову. Европа теперь очень болезненно относится к проявлению каких бы то ни было симпатий к немцам.

– Не к немцам, а к наци, – поправил Буллит.

– Один дьявол!

– К сожалению, далеко не так. Когда дойдет до настоящего дела, я не поставил бы ни цента даже на многих из тех, кто носит свастику в петлице, а об остальных нечего и говорить. У фюрера вовсе не так много поклонников в Германии. Там его знают лучше, чем за границей.

– Тем больше смысла в том, что я вам только что говорил: не слишком осторожно для посла Штатов якшаться черт знает с кем. Скандал, которым это кончилось для вас в Москве, не должен повториться.

– Париж не Москва.

– Но люди, кажется, начинают кое-что понимать и тут.

– Пока они поймут все, мы завернем их в такие пеленки...

– В такой игре предпочтительнее саван. – Доллас немного помолчал. – Однако русские меня беспокоят все больше и больше. Та ужасающая гласность, которой они уже успели предать чешские дела, может привести к полному провалу. Мир слишком насторожился. Мы вынуждены следить за каждым своим шагом, выбирать каждое слово.

Буллит рассмеялся:

– Ага! Теперь вы понимаете, как утомительно быть дипломатом! – весело сказал он. – Привыкли дома при свете дня хватать за глотку всякого, кто стоит на вашем пути. Да, вы правы: мир насторожился, тот мир, который мы с вами не любим принимать в расчет. И тут уже ничего нельзя поделать. Не мы, а нас могут схватить за глотку при первой ошибке, и тогда уж...

– Нокаут?

– Да!

Доллас резко, всем телом повернулся к Булиту. На его лице появилось выражение неприкрытой угрозы.

– Вы удивительный осел, Уильям! Отдаёте себе отчет в том, к чему может привести неосторожность, а ведете себя здесь, как рэкетиры в Штатах... Повторяю от имени Джона: если провалитесь и тут – мы выкинем вас на помойку.

Но Буллит и тут скрыл смущение за деланным смешком и отшутился:

– Не воображаете ли вы, Фосс, что моя голова мне менее дорога, чем вся ваша лавочка?

– Должен сознаться, – проворчал Доллас, – что нас-то интересует именно наша «лавочка», а не ваша голова.

– Однако мы приехали! – воскликнул Буллит и остановил автомобиль перед небольшим садиком, за едва зазеленевшими деревьями которого виднелись белые стены уютного домика. На его крыльцо вышел высокий молодой человек и, сбежав со ступенек, зашагал навстречу гостям.

Доллас, как всегда, настороженно ощущал зоркими глазами крепкую, стройную фигуру и лицо незнакомца, с большим улыбающимся ртом, в котором ярко белел ряд крепких зубов. Голова его была покрыта светлыми с сильным рыжеватым оттенком волосами.

Доллас подозрительно смотрел, как Буллит дружески тряс руку хозяина, поглядывая через плечо на крыльцо. Адвокат неспеша вылез из автомобиля и, осторожно ступая, будто дорожка была посыпана колючками, вошел в калитку.

– Скорее, Фосс! – с наигранной веселостью, придавая своему лицу прежнее добродушное выражение, крикнул Буллит: – Знакомьтесь: герр Отто Абетц.

– Абетц?!

Доллас торопливо сунул руку в карман, чтобы стереть с ладони мгновенно выступивший пот...

6

Гаусс не скоро пришел в себя после «фокуса», который был проделан ночью в его доме по приказу Гитлера и Геринга. Слава богу, что они деликатно назвали это «совещанием» у фюрера! Было все же некоторое утешение в мысли, что он, Гаусс, поддался доводам разума, а не простому страху, когда перед ним совершенно недвусмысленно был поставлен ультиматум: полное и безоговорочное подчинение директивам фюрера и его военного кабинета, без каких бы то ни было уклонений в сторону собственных мнений и намерений, или...

Гауссу даже не хотелось думать о том, что они, собственно говоря, подразумевали под этим многозначительным «или». Не намеревались же они, в самом деле, расправиться с десятком генералов так же, как расправились с бандой Рема?.. А впрочем... впрочем, разве заодно с Ремом не отправили на тот свет Шлейхера? Да и не одного Шлейхера.

Сколько ни пытался Гаусс уверить себя в том, что смотрит сверху вниз и на Гитлера и на Геринга, и в том, что ему совершенно наплевать на то, как к нему относится этот боров, вообразивший себя генерал-фельдмаршалом, сегодняшнее приглашение к Герингу заставило его волноваться. И старик сильно покривил бы душой, если бы сказал себе, что в этом волнении не было оттенка некоторой радости по поводу того, что это приглашение могло означать только одно: ликвидацию конфликта.

Правда, его заставили долго ждать в приемной, но сегодня Гаусс не мог заподозрить в этом намерение оскорбить его. Он отлично знал, в каком критическом положении находились отношения с Австрией, и знал о важной роли Геринга в этих событиях.

Через приемную то и дело шныряли адъютанты, военные, чиновники министерств. С озабоченным видом, не заметив Гаусса, быстро прошел Нейрат. Он пробыл у Геринга недолго и вышел с сияющим видом. Гаусс поднялся ему навстречу. Они отошли в дальний угол. Нейрат сел, испустив вздох облегчения.

– Хвала господу, кажется, все устраивается как нельзя лучше!

– Удастся обойтись без вторжения?

– Напротив, – в радостном возбуждении воскликнул Нейрат, – вторжение неизбежно!

– Не понимаю, что ты видишь в этом хорошего. Как бы меня ни убеждали в противном, я не считаю нас способными сейчас на большую войну.

Нейрат дружески похлопал его по острой коленке.

– Сколько раз тебе говорить: о большой войне не может быть и речи. Наши войска пройдут по Австрии парадным маршем, после того как все будет сделано изнутри людьми Зейсс-Инкварта.

– А державы?

– Вопрос ясен: руки у нас развязаны. Готовьте оркестры! На пушки можете надевать чехлы.

– А сами австрийцы? Ты думаешь, они не будут сопротивляться?

– От имени фюрера Геринг уже издал приказ: всякий сопротивляющийся должен уничтожаться на месте. К завтрашнему утру Австрия должна стать частью рейха! Президент Миклас еще колеблется, но я не понимаю, на что он рассчитывает...

– А уверены вы в том, что Муссолини...

– Ему уже дали понять, что французы тотчас наступят ему на хвост, если он пошевелится.

– Но ведь это же неправда!

– Пусть он попробует установить, правда это или нет. Французы ведут такую игру, что сами в ней запутались, а другому и подавно не разобраться. Буллит сдержал свое слово.

Нейрат обеими руками сильно потер щеки, словно хотел привести самого себя в чувство.

– До сих пор не могу опомниться: так блестяще, так удивительно все идет!.. А ты здесь зачем?

– Еще сам не знаю.

– Не упускай случая выступить хотя бы в последнем акте!

Гаусс пожал плечами:

– Это же не последний спектакль!

– Не знаю, пройдет ли еще что-нибудь так изумительно легко... Не зевай, старина, не зевай.

Нейрат дружески протянул ему руку и исчез.

Через несколько минут адъютант щелкнул шпорами перед задумавшимся Гауссом и повел его за собой.

К удивлению генерала, они миновали знакомый ему огромный кабинет Геринга, в котором на этот раз царила полная тишина. Не было слышно даже их собственных шагов, заглушаемых толстым ковром. Слабый свет нескольких канделябров, отражавшийся от золотой обивки стен, наполнял комнату полумраком. В углу на диване Гаусс заметил молчаливые черные фигуры офицеров СС.

Еще две или три такие же пустые и тихие, погруженные в такой же полумрак комнаты, и послушно следовавший за адъютантом Гаусс очутился в огромном зале, который в первый момент принял было за картинную галерею.

Рассеченные на правильные квадраты дубовые панели стен были сплошь завешаны полотнами. Невидимые лампы источали свет в отдельности на каждое из них, оставляя в тени все остальное пространство зала. Поэтому Гаусс в первое мгновение и не увидел ничего, кроме оленей, зубров, лошадей над барьерами и красных фраков охотников, изображенных на картинах. Но вот откуда-то снизу послышался хриплый голос Геринга. И стоило Гауссу обратить взгляд по направлению этого голоса, как он увидел нечто, что воспринял как личное оскорбление: в небольшом золотом бассейне-ванной, едва прикрытая слоем воды, желтела безобразная туша голого Геринга.

Первым порывом Гаусса было повернуться и уйти. Но он тут же заметил, что не одинок в этом странном салоне. Несколько генералов, высших чиновников Министерства иностранных дел, генералы и офицеры СС сидели в креслах или просто стояли у барьерчика, окружавшего бассейн. Среди них Гаусс увидел и Пруста. Раздувая рыжие усы, тот кричал в телефон так громко, словно командовал на плацу батальонным учением:

– Повторяю: генерал-фельдмаршал приказал придвинуть части к границе настолько, чтобы завтра на рассвете они могли быть в Вене... Да, сигнал будет дан сегодня же. Действовать молниеносно, чтобы австрийцы были вынуждены складывать оружие. Обходить, окружать, обезоруживать!.. Сопротивление? Его не будет. Ну, а если окажутся дураки, расстреливать напоказ остальным. – Пруст подул в усы и крикнул: – Вот и все! Донесения по телефону сюда, в ставку генерал-фельдмаршала! – И, выпучив глаза, повел ими в сторону бассейна, где Геринг, лежа на спине и выставив вверх огромный живот, вполголоса разговаривал с Кроне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.